

К вопросу о недопустимости ущемления права на справедливое судебное разбирательство уголовных дел под видом защиты государственного суверенитета

Тимошенко А.А.,

кандидат юридических наук, доцент,
профессор Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
E-mail: antim@yandex.ru

Аннотация. Автором исследуется вопрос о перспективах непосредственного применения стандартов прав человека в регулировании уголовно-процессуальной деятельности. В этой связи ключевое внимание уделяется закреплению в ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, а также ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод праву на справедливое судебное разбирательство уголовных дел.

Предполагается, что только справедливый и беспристрастный суд способен обеспечить поступательное развитие общества, его стабильность и безопасность граждан.

На основе анализа основных возможных путей дальнейшего развития уголовно-процессуального законодательства, один из которых связан с повышением формальных требований к уголовно-процессуальной деятельности, а другой — с повышенным вниманием к естественно-правовым принципам применения норм права, предпочтение отдается второму подходу.

На основе анализа памятников мировой юриспруденции, изучения истории становления международного права прав человека делается вывод о невозможности преодоления поступательного движения к торжеству признанного международным сообществом гуманитарного статуса личности.

В этой связи Конституционный Суд Российской Федерации, оценивая правильность толкования Европейским Судом по правам человека Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, должен ориентироваться на мировые стандарты. Кроме того, требуется повсеместное развитие уважения к необходимости соблюдения права на справедливое судебное разбирательство.

Ключевые слова: право на справедливое судебное разбирательство, права человека, право на судебную защиту, памятники права.

В условиях все более и более ускоряющегося развития общества, усложняющейся структуры социальных институтов требуется обеспечить устойчивость протекающих в них процессов, не допустить нарушения сложившегося порядка взаимоотношений индивидов, их объединений и государственных образований. Одним из столпов устойчивого развития общества является построение правового государства, создание уверенности в каждом из его членов в завтрашнем дне, возможности отстаивать свои интересы в справедливом суде.

Поэтому представляется достаточно важным определить наиболее оптимальные пути обеспечения права на справедливое судебное разбирательство. Интересно в этом смысле именно уголовное судопроизводство, как место наиболее острого конфликта между государством и личностью.

На наш взгляд, здесь стоит определиться: нужно ли государству действовать путем ужесточения внутреннего национального законодательства, переноса акцент в область так называемого позитивного права, или же предоставить большую свободу правоприменителям, которые будут традиционно опираться на основную либеральную ценность — естественное право.

Рассмотрим ситуацию от противного: речь

идет о последствиях излишне интенсивного пути общественного развития, а именно, о социальных революциях.

Надо сказать, что этот в общем то регрессивный процесс приводит к достаточно обидным для населения «казусам». Так, например, известный американский ученый-социолог российского происхождения П.А. Сорокин указывал, что «всякая глубокая революция, начатая во имя восьми или шестичасового рабочего дня, объективно дает как раз обратное: не уменьшение, а увеличение продолжительности рабочего времени, трудности и неприятности самой работы»¹.

Революционные перегибы в уголовно-процессуальном регулировании осуществления уголовной репрессии, думается, также весьма очевидны, так как следствием любого хаоса, вызванного социальными или военными причинами, является стремление навести порядок любой ценой, в том числе путем создания чрезвычайных трибуналов или судебных органов с введением упрощенных систем судопроизводства. П.А. Сорокин в духе учений представителей современной ему психологической школы права,

¹ Сорокин П.А. Социология революции. М.: РОССПЭН, 2005. С. 92.

прямо указывал, что основной причиной разрастания революционного движения является отсутствие «социальных тормозов» у «бесноватых» (склонных к беспричинной агрессии, жестокости, насилию) представителей общества, каковых в эту эпоху становится значительно больше из-за угнетения «полицейски-охранительного аппарата»².

В условиях замечаемого исследователями феномена социальной отчужденности многих членов современного нам российского общества³, откровенного правового нигилизма опасности социальных потрясений являются до настоящего времени весьма очевидными.

Амбивалентное отношение граждан к принципу законности, при котором наблюдается его одновременное одобрение с принципом ничем неконтролируемой личной свободы⁴ заставляет искать новые механизмы надлежащего правового регулирования уголовно-процессуальных отношений. Ведь именно в рамках применения уголовного закона затрагиваются наиболее острые вопросы организации жизни общества, которые при определенных условиях могут всколыхнуть его.

В этих условиях при *первом подходе* возможно построение жестко регламентирующей деятельности чиновников системы правовых предписаний в духе советского права. Однако для этого жизненно необходимо обеспечить более активное внедрение в жизнь регулятивной составляющей норм морали, значительное повышение качества законодательного материала, снижение интенсивности принятия новых законов.

Дело в том, что законодательно сложно предусмотреть все случаи возможной нестыковки интересов защиты и обвинения, сложных случаев доказывания, возможностей использования при этом достижений современной науки и техники, однако в любом случае провозглашение и защита общих принципов права, отраслевых основных положений уголовно-процессуального законодательства невозможно без изучения настроений в конкретном обществе, без принятия сложившихся или желаемых для государства общепризнанных правил поведения, в силу разных причин не ставших еще правом.

Так, один из западных исследователей проблемы соотношения морали и права голландский профессор Вибрен ван дер Бург отмечает,

что наиболее ярко возможности морали проявляются в установлении дополнительных обязанностей для лица⁵.

С учетом особого положения в уголовном процессе обвиняемого и защитника с провозглашенной в Конституции России возможностью защищаться любым не запрещенным законом образом (ст. 45), установление таких дополнительных обязанностей приемлемо именно для должностных лиц стороны обвинения, так как именно на них лежит обязанность представлять публичный интерес, действовать от имени государства — Российской Федерации, а не блюсти свои собственные интересы.

Вторым направлением развития является внедрение наряду с позитивным законом положений естественного права, составляющих правовой феномен прав человека, которые по сути становятся неписанным правом, позволяя правоприменителю обходить под их именем несовершенные формальные предписания.

Очевидная опасность такого подхода — отсутствие правовой определенности в самом важном вопросе — относительно применения актов наибольшей юридической силы — Основных законов, в которых и закрепляются, как правило, права человека. При невозможности установить понятный механизм обеспечения прав и свобод человека в конкретных правоотношениях, всегда можно столкнуться с ущемлением принципа равенства, при необходимости обоснования исключительности того или иного случая. Правовая неопределенность здесь также становится опасной. Однако возможностей для ее устранения, на наш взгляд, видится гораздо больше, чем при первом подходе.

Развитие права, обилие в его истории памятников, провозгласивших в разное время цель государственной деятельности, связанную с уважением прав и свобод человека, позволили можно сказать на мировоззренческом уровне внедрить в правосознание юристов необходимость обеспечения защиты прав и свобод человека на уровне национального законодательства каждой более или менее прогрессивной страны.

Например, в Англии уголовно-процессуальные отношения традиционно опирались на выработанный еще в феодальное время принцип соблюдения некоего минимума прав привлекаемой к ответственности личности (в свое время — это представитель аристократического сословия или буржуа, сейчас формально права распространяются на всех подданных).

² Сорокин П.А. Указ. соч. С. 42.

³ См.: Минюшев Ф.И. Социальное отчуждение. Опыт нового прочтения // Новые идеи в социологии: монография / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 151.

⁴ Об этом см.: Тощенко Ж. Парадоксы и противоречия правового сознания // Безопасность Евразии. 2002. № 3. С. 571 — 572.

⁵ Wibren van der Burg. The Morality of Aspiration: A Neglected Dimension of Law and Morality // Erasmus Working Paper Series on Jurisprudence and Socio-Legal Studies. P. 172 — 173. Social Science Research Network Electronic Paper Collection [Электронный ресурс] URL: <http://ssrn.com/> (дата обращения: 22.01.2016).

На заре истории США борьба колоний с Великобританией привела к провозглашению 04.07.1776 Декларации независимости, которая объяснила необходимость отделения сепаратистов от метрополии и одновременно в силу юридической значимости изложенных в ней вопросов стала фундаментом всего юридического образования⁶.

Примечательно, что в укор английскому королю «отцами-основателями» американского государства поставлено уклонение от создания надлежащей судебной системы, а также придание видимости правосудия путем насаждения особых судов для английских солдат «с целью избавить их от наказания»⁷. Стремление построить справедливую судебную систему, по мнению авторов документа, должно было оправдать свержение власти англичан на территории относительно недавно открытого континента.

Этим во многом объясняется, что в первых поправках к Конституции США от 17.09.1787, известных как «Билль о правах» значительное внимание уделяется обеспечению судебной защиты граждан: обыск только с согласия судьи, задержание и арест в совершении тяжких преступлений — по акту большого жюри, отказ от принуждения свидетельствовать против самого себя в уголовном деле, стремление придерживаться только законного судебного разбирательства; суд должен быть скорым и публичным, обвиняемый должен иметь право на очную ставку с показывающими против него свидетелями, а также на принудительный вызов свидетелей, показывающих в его пользу, на помощь адвоката для своей защиты⁸.

Во Франции известный революционный лозунг: «Свобода, равенство и братство», как ответ народа на феодальные притеснения, позволил в преамбуле к Декларации прав гражданина и человека, принятой Национальным собранием 26.08.1789, провозгласить невежество, забвение прав человека или пренебрежение к ним единственными причинами общественных бедствий и испорченности правительств⁹. Отнесение к числу неотчуждаемых и священных прав человека права на соблюдение установленной законом процедуры обвинения, задержания и заключения под стражу (ст. 7), презумпции невиновности и недопустимого жестокого об-

ращения (ст. 9) указывает на особое отношение общества в эпоху социального перелома к необходимости обеспечить надлежащее правосудие по уголовным делам.

Естественно, в других странах осмысление проблемы шло на уровне политико-правовой и общественно-философской мысли, которая с интересом наблюдала за развитием других стран.

Здесь стоит, к примеру, назвать плеяду выдающихся правоведов, опиравшихся на морально-нравственные аксиомы при разработке своих учений: В.С. Соловьев, И.А. Ильин, Е.Н. Трубецкой и др.

К примеру, основное требование философии права В.С. Соловьева — обоснование необходимости построения нравственного закона, в связи с чем он может считаться справедливым. Нельзя оценить юридическое без руководства общей идеей права. Поэтому и человек не может считаться орудием в чьих-то руках, он имеет право на достойное существование, в том числе на достойное отношение к личной свободе со стороны общества и государства¹⁰.

Из подобных теоретических рассуждений собственно и выводится особое отношение к праву на справедливое судебное разбирательство.

Октябрьский Манифест 1905 года императора Николая II, как ответ на народные выступления, провозглашает дарование населению «незыблемых основ гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова...»¹¹. Акт не содержит конкретных механизмов реализации законодательной справедливости для каждого, однако его преамбула объясняет стремление самодержца к восстановлению порядка и недопущению смуты: «Благо Российского Государя неразрывно с благом народным и печаль народная Его печаль».

Под гарантиями гражданской свободы Б.Н. Чичерин понимал возможность поставить личность под защиту независимого суда. При этом гражданин должен иметь право требовать такой защиты¹².

Однако многочисленные факты отступления государств от своих внутренних обязательств по поводу обеспечения прав человека, демонстрация геноцида, массовая дискриминация целых групп населения, в конце концов привели к двум мировым войнам, заставили говорить о необходимости защиты прав человека уже на международном уровне.

⁶ Morgan, Kerry L. The Declaration of Independence and American education. (Reviving the American Republic: the Laws of Nature and of Nature's God) // Journal of Christian Jurisprudence, Annual, 1986, Vol. 6 (1), p.77-94

⁷ Маклаков В.В. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соединенные Штаты Америки, Япония: учеб. пособие. 8-е изд., исправл. и доп. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 545 — 548.

⁸ Маклаков В.В. Указ. соч. С. 562 — 574.

⁹ Маклаков В.В. Указ. соч. С. 117.

¹⁰ Соловьев В. Право и нравственность (1899). Минск, 2001. С. 19—44.

¹¹ Манифест об усовершенствовании государственного порядка от 19.10.1905 // Хрестоматия по истории государства и права: учеб. пособие / Сост. Ю.П. Титов. 3-е изд. перераб. и доп. М.: Проспект, 2010. С. 274 — 275.

¹² Чичерин Б.Н. Курс государственной науки: В 3 т. М., 1998. Т. 2. С. 2.

Надо сказать, что наиболее интенсивно процесс универсализации и глобализации прав человека, расширения их признания на уровне международного сообщества пошел после Второй мировой войны¹³, когда потребность защиты мирного населения от жестокого обращения во время жесточайшей бойни стала очевидной¹⁴.

Случившаяся с установлением нацистских режимов гуманитарная катастрофа привела к необходимости практического воплощения идеи незыблемости прав человека в едином усилии всего мирового сообщества.

В Уставе ООН среди целей этой организации прямо указывается на стремления:

— *поддерживать международный мир и безопасность* и с этой целью принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира и проводить мирными средствами *в согласии с принципами справедливости и международного права* улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира;

— осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и *в поощрении и развитии уважения к правам человека* и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии.

В преамбуле же к названному документу говорится о решимости «избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе, ... вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций».

Определенные дипломатические нестыковки конечно же стали результатом традиционной для любой межгосударственной борьбы непримиримости.

Так, например, делегация СССР в ходе работы над основополагающими документами ООН, указывала на отсутствие в Уставе ООН механизма обеспечения обязательности для государств провозглашенной в документе гарантии обеспечения прав человека, а также элементарно — их перечня. Всеобщая декларация прав человека, вообще, по мнению советских дипломатов, при отсутствии юридически точных формулировок посягала на внутренний суверенитет го-

сударств, устанавливая ряд гражданских и политических прав¹⁵.

Данные вопросы продолжают оставаться актуальными и по настоящее время, однако высшая ценность прав человека, особенно уважения права на жизнь, свободу и личную неприкосновенность остаются незыблемыми для любого цивилизованного человека.

Поэтому именно в обеспечении прав человека на заре ООН виделся залог будущей стабильности международных отношений. Между тем со временем, как показала практика, права человека стали способом манипуляции и политического шантажа со стороны отдельных государств.

И это не случайно, если учесть, что первые Декларации о правах человека были провозглашены в по сути рабовладельческих странах — США с официальным разрешением владеть рабами и Франции с ее феодальными пережитками.

Поэтому, во-первых, можно сказать, что изначально Декларации прав человека были инструментом укрепления буржуазией своей власти, когда можно было достаточно удобно обращаться к помощи высокопрофессиональных юристов и политиков, активно спекулирующих на этой теме.

Во-вторых, как отмечает известный французский исследователь Ален де Бенуа: «исторически, начиная с 1970 г. права человека сначала противопоставляли советской системе ... после падения последней их то так, то эдак применяли для обличения различных режимов и практик, особенно в Третьем мире, а также в качестве образца для новых национальных и международных политических программ»¹⁶.

Между тем, несмотря ни на что, заложенные еще в античности, а впоследствии великими просветителями идеи гуманистического содержания не должны страдать от различного рода спекуляций и прежде всего это касается случаев защиты личных прав — права на жизнь, права на свободу и права на личную неприкосновенность.

Безусловно одной из гарантий обеспечения надлежащего обращения с индивидом как раз и выступает впервые провозглашенное на международном уровне в 1948 г. право каждого на справедливое судебное разбирательство, которое достаточно сложно переоценить в контексте состоявшегося и будущего развития уголовно-процессуальных отношений. Не случайно современная нам концепция российского уголовного процесса строится на идее всеобщности

¹³ См.: Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., 1998. С. 160.

¹⁴ В свою очередь, общеизвестно, что международное гуманитарное право в XIX в. возникло из потребности защитить людей от бессмысленной смерти на поле боя во время вооруженного конфликта.

¹⁵ Подробнее см.: Карташкин В.А. Всеобщая декларация прав человека и развитие правозащитного механизма ООН (к 60-й годовщине принятия Всеобщей декларации прав человека) // Юрист-международник. 2008. № 2. С. 5-7.

¹⁶ Ален де Бенуа. По ту сторону прав человека. В защиту свобод / Перевод с французского — Институт Общегуманитарных исследований, 2015. С. 39.

судебной защиты каждого, кто оказался в сфере интересов правоохранительных органов.

Статья 46 Конституции Российской Федерации провозглашает не только возможность внутрисудебной судебной защиты, но и гарантирует каждому гражданину (а если точнее, то и любому физическому лицу) право обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека при условии, что исчерпаны внутрисудебные средства правовой защиты.

Без справедливой судебной защиты от уголовной репрессии сложно представить успешное соблюдение права на свободу передвижения, если особенно учесть, что именно уголовный закон, реализуемый в рамках уголовно-процессуальной формы, способен «легализовать» притеснение индивида, что называется, в рамках правового поля.

В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации именно соответствующие нормы международного договора Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. В этой связи если международным договором установлены иные правила, предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Однако конечно же при этом не должен страдать государственный суверенитет, предполагающий безусловную юрисдикцию государства относительно вопросов внутреннего характера.

Конституционным Судом Российской Федерации в этой связи особо разъяснено¹⁷, что во всех случаях противоречия его позиции с позицией международного договора приоритет должен оставаться за его точкой зрения, так как Конституция Российской Федерации в силу государственного суверенитета России обладает большей юридической силой в сравнении с актами международного гуманитарного права в том смысле, который придается их содержанию уполномоченным международным органом (в данном случае Европейским Судом по правам человека).

¹⁷ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СПС «Консультант Плюс».

В принципе этот вывод подтверждается и путем решения простой юридической задачи в кельзеновском духе¹⁸, — что главнее федеральный закон или Основной закон государства.

Дело в том, что в соответствии со ст. 15 Федерального закона от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» обязательно ратификации подлежат все международные договоры предметом которых являются основные права и свободы человека и гражданина. А ратификация, в свою очередь, предполагает принятие именно федерального закона и не более.

Представляется, что уголовно-процессуальные отношения безусловно по своей правовой природе затрагивают фундаментальные права личности, а уголовно-процессуальное законодательство по своему назначению правообеспечительно: интересы потерпевшего и обвиняемого поставлены во главу угла (ст. 7 УПК РФ).

Сказанное чрезвычайно важно, так как принятие федерального закона есть залог обеспечения незыблемости установленного международным договором и уголовно-процессуальным законом порядка производства по уголовным делам.

Их свободное изменение, к примеру, Европейским Судом правам человека противоречит данному принципу.

В этих условиях позиция Конституционного Суда Российской Федерации естественна, если учесть также, что Конституция Российской Федерации говорит об общепризнанных принципах и нормах международного права, как о части системы права, а их свободное толкование (к примеру, на уровне Европейского Суда по правам человека), без жесткой привязки к содержанию международного акта таковым, безусловно, не является.

В этой связи отмечаемая исследователями¹⁹ неконкретность правил международных договоров с непрозрачной системой их авторитетного толкования, наличие у Российской Федерации права заявлять о своем государственном суверенитете заставляют искать ориентиры для отечественных правоприменителей в осуществлении уголовно-процессуальной деятельности.

¹⁸ См. иерархическую теорию построения норм права (Кельзен Г. Динамический аспект права // Чистое учение о праве Ганса Кельзена: Сб. пер. Вып. 1 / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев, Н.Н. Разумович. М.: АН СССР ИНИОН, 1987. С. 102—115).

¹⁹ На наш взгляд, является достаточно обоснованной конкретными примерами как из практики Европейского Суда, так и из практики других европейских «цивилизованных» государств точка зрения Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина, сказавшего о явном вмешательстве политики в право, который занял при этом достаточно интересную позицию: международный договор приоритетен по отношению к закону, но не к Конституции, как надзаконному акту (Зорькин В. Предел уступчивости // РГ. 2010. № 5325).

С одной стороны, международный договор должен исполняться силами всего государственного аппарата ввиду универсального принципа *parata sunt servanda*²⁰, с другой же — Конституция страны своим особым отношением к правам человека гарантирует беспрекословность соблюдения фундаментальных гарантий существования личности в современном обществе, несмотря на некоторые нестыковки в правилах, установленных самим международным договором.

Конституция Российской Федерации — Основной закон демократического государства, и за практически четверть века своего существования Конституционный Суд наработал определенную практику толкования его положений, предусматривающую учет лучших образцов юридической мысли в виде фундаментальных решений Европейского Суда по правам человека, признания права каждого на судебную защиту, приоритетности прав человека по отношению к иным нормативным предписаниям.

В этой связи, подводя итог изложенному, следует, на наш взгляд, привести ключевой тезис: непосредственно действующей применительно к внутреннему российскому законодательству является не только Конституция Российской Федерации, но и самостоятельно право на справедливое судебное разбирательство уголовных дела как юридический феномен, подлежащий осмыслению каждым правоприменителем в отдельности. Гарантией стабильности уголовного судопроизводства должны считаться ориентиры, содержащиеся в общепризнанных принципах и нормах международного права, решениях Конституционного Суда Российской Федерации.

Отсюда, практика Конституционного Суда Российской Федерации после принятия указанного постановления не подлежит кардинальному изменению в части толкования содержания права на справедливое судебное разбирательство уголовных дел.

Истинным побудителем к эффективной профессиональной деятельности судьи, прокурора и следователя должны стать не стремление избежать дисциплинарной или иной ответственности за ущемление рассматриваемого права, а потребность искренне содейство-

вать гражданам в защите их интересов, установлении всех обстоятельств случившегося уголовно-правового деликта.

Список литературы

1. Ален де Бенуа. По ту сторону прав человека. В защиту свобод / Перевод с французского — Институт Общегуманитарных исследований, 2015.
2. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., 1998.
3. Зорькин В. Предел уступчивости // РГ. 2010. № 5325 (246).
4. Карташкин В.А. Всеобщая декларация прав человека и развитие правозащитного механизма ООН (к 60-й годовщине принятия Всеобщей декларации прав человека) // Юрист-международник. 2008. № 2. С. 4-14.
5. Кельзен Г. Динамический аспект права // Чистое учение о праве Ганса Кельзена: Сб. пер. Вып. 1 / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев, Н.Н. Разумович. М.: АН СССР ИНИОН, 1987. С. 102—115.
6. Маклаков В.В. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соединенные Штаты Америки, Япония: учеб. пособие. 8-е изд., исправл. и доп. М.: Инфотропик Медиа, 2012.
7. Минюшев Ф.И. Социальное отчуждение. Опыт нового прочтения // Новые идеи в социологии: монография / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 151.
8. Соловьев В. Право и нравственность (1899). Минск, 2001.
9. Сорокин П.А. Социология революции. М.: РОССПЭН, 2005.
10. Тощенко Ж. Парадоксы и противоречия правового сознания // Безопасность Евразии. 2002. № 3. С. 561—575.
11. Хрестоматия по истории государства и права: учеб. пособие / Сост. Ю.П. Титов. 3-е изд. перераб. и доп. М.: Проспект, 2010.
12. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. В 3 т. М., 1998. Т. 2.
13. Morgan, Kerry L. The Declaration of Independence and American education. (Reviving the American Republic: the Laws of Nature and of Nature's God) // Journal of Christian Jurisprudence. Annual. 1986. Vol. 6 (1). P. 77—94.
14. Wibren van der Burg. The Morality of Aspiration: A Neglected Dimension of Law and Morality // Erasmus Working Paper Series on Jurisprudence and Socio-Legal Studies. P. 172 — 173. Social Science Research Network Electronic Paper Collection [Электронный ресурс] URL: <http://ssrn.com/> (дата обращения: 22.01.2016).

²⁰ Статья 26 Венской Конвенции «О праве международных договоров» (заклучена в Вене 23.05.1969) // СПС «КонсультантПлюс».

On the Issue of Inadmissibility of Infringing the Right to a Fair Trial of Criminal Cases under the Guise of Protecting State Sovereignty

Timoshenko A.A.,

PhD in Law, Associate Professor,
Professor of the Academy of the Prosecutor General of the RF
E-mail: antimu@yandex.ru

Abstract. *The author examines the issue of the prospects for the direct application of human rights standards in the regulation of criminal procedural activity. In this regard, the key attention is paid to the provisions of art. 14 of the International Covenant on Civil and Political Rights, as well as art. 6 of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, the right to a fair trial of criminal cases.*

It is assumed that only a fair and impartial court is able to ensure the progressive development of society, its stability and security of citizens.

Based on the analysis of the main possible ways of further development of the criminal procedural legislation, one of which is related to the increase of formal requirements for criminal procedural activity, and the other — with increased attention to the natural-legal principles of the application of the law, preference is given to the second approach.

Based on the analysis of the monuments of world jurisprudence, the study of the history of the formation of international human rights law, it is concluded that it is impossible to overcome the progressive movement towards the triumph of the humanitarian status of the person recognized by the international community.

In this regard, the Constitutional Court of the Russian Federation, assessing the correctness of the European Court of Human Rights interpretation of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, should be guided by world standards. In addition, there is a need for widespread respect for the need to respect the right to a fair trial.

Keywords: *the right to a fair trial, human rights, the right to judicial protection, monuments of law.*

References

1. Alen de Benua. Po tu storonu prav cheloveka. V zaschitu svobod / Perevod s frantsuzskogo — Institut Obschegumanitarnykh Issledovanij, 2015.
2. Baglaj M.V. Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federatsii. M., 1998.
3. Zorkin V. Predel ustupchivosti // RG. 2010. № 5325 (246).
4. Kartashkin V.A. Vseobschaya deklaratsiya prav cheloveka i razvitie pravozaschitnogo mekhanizma OON (k 60-j godovschine prinyatiya Vseobschej deklaratsii prav cheloveka) // Yurist-mezhdunarodnik. 2008. № 2. S. 4-14.
5. Kelzen G. Dinamicheskij aspekt prava // Chistoe uchenie o prave Gansa Kelzena: Sb. per. Vyp. 1 / Otv. red. V.N. Kudryavtsev, N.N. Razumovich. M.: AN SSSR INION, 1987. S. 102-115.
6. Maklakov V.V. Konstitutsii zarubezhnykh gosudarstv: Velikobritaniya, Frantsiya, Germaniya, Italiya, Evropejskij Soyuz, Soedinennye Shtaty Ameriki, Yaponiya: ucheb. posobie. 8-e izd., ispravl. i dop. M.: Infotropik Media, 2012.
7. Minyushev F.I. Sotsialnoe otchuzhdenie. Opyt novogo prochteniya // Novye idei v sotsiologii: Monografiya / Otv. red. Zh.T. Toschenko. M.: YUNITI-DANA, 2013. S. 151.
8. Solovev V. Pravo i npravstvennost (1899). Minsk, 2001.
9. Sorokin P.A. Sotsiologiya revolyutsii. M.: ROSSPEN, 2005.
10. Toschenko Zh. Paradoksy i protivorechiya pravovogo soznaniya // Bezopasnost Evrazii. 2002. № 3. S. 561-575.
11. Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava: ucheb. posobie / Sost. Yu.P. Titov. 3-e izd. pererab. i dop. M.: Prospekt, 2010.
12. Chicherin B.N. Kurs gosudarstvennoj nauki. V 3 t. M., 1998. T. 2.
13. Morgan, Kerry L. The Declaration of Independence and American education. (Reviving the American Republic: the Laws of Nature and of Nature's God) // Journal of Christian Jurisprudence. Annual. 1986. Vol. 6 (1). P. 77-94.
14. Wibren van der Burg. The Morality of Aspiration: A Neglected Dimension of Law and Morality // Erasmus Working Paper Series on Jurisprudence and Socio-Legal Studies. P. 172 — 173. Social Science Research Network Electronic Paper Collection URL: <http://ssrn.com/> (reference date: 22.01.2016).